

*Из воспоминаний Сергея Васильевича Пащенко,
красноармейца 58-го гвардейского стрелкового полка*

Мои солдатские пути – дороги

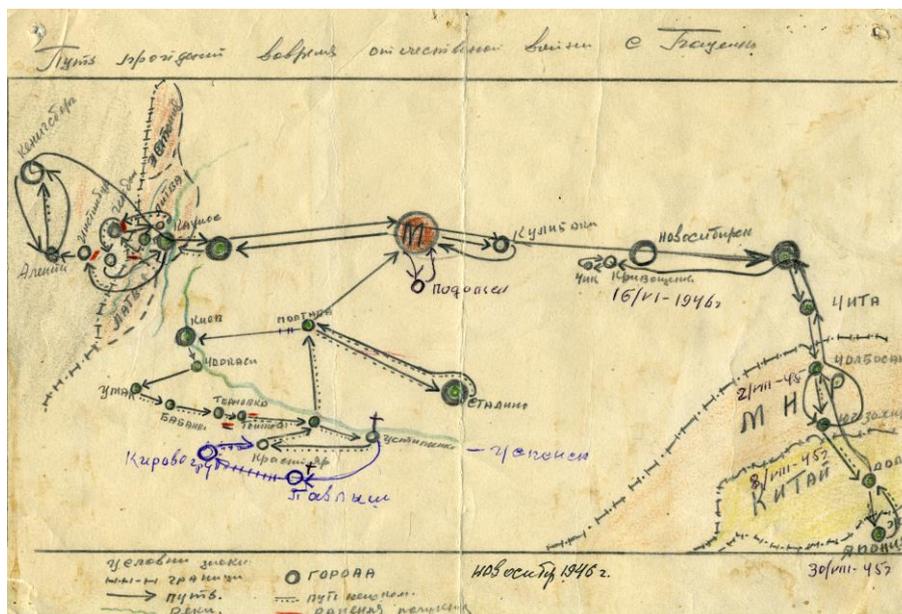
С.В. Пащенко
*Из семейного архива
С.В. Пащенко*

Прежде чем попасть служить в 58-й гвардейский полк 18-й гвардейской стрелковой дивизии, я прошел не одну тысячу километров разведчиком специального разведдиверсионного отряда, участвовал в боях, выводил из окружения наши части в 41-ом, воевал в Бабаньковских лесах, был несколько дней в плену в Умани. Меня расстреливали, потом вновь воевал, был ранен, контужен, потрудился на Подольском заводе и вновь встал в строй...

Перед войной в мирное время я работал и учился на кондитерской фабрике в городе Полтава с 1934 года. Окончил с золотым свидетельством. Затем комсомольцы фабрики избрали меня инструктором Горкома комсомола. В 1940 году вышло несколько постановлений о ведении борьбы с беспризорностью, а также о создании трудовых резервов. Было задание организовать школу для беспризорных детей Полтавской области. Бюро городского комитета комсомола Полтавской области рекомендовало меня заместителем директора школы, которую еще предстояло создать. Организовали мы ее за два с половиной месяца. Собрали триста детей для обучения специальностям: сапожник, швейник, художник, часовой мастер. Все делалось для воспитания детей. Когда школа была организована, и начала функционировать у меня спросили "Возвращаешься работать инструктором ГК комсомола или остаешься в школе?". Я дал согласие остаться работать в школе помощником директора, был секретарем комсомольской организации. Через некоторое время меня направили в распоряжение ЦК Комсомола Украины. Там меня направили в Дрогобычскую область, в трудовые резервы. Это в сорок первом году, перед началом войны. Когда ЦК направляло меня в нефтяную промышленность, то я спросил: "Зачем вы это делаете? Почему я должен идти в нефтяную промышленность, когда я кондитер? Я четыре года учился. Я имею золотое свидетельство, а вы направляете меня в нефтяную промышленность". Мне ответили: "Куда надо – туда и посылаем!" Вот и весь разговор. Когда я приехал в Дрогобыч, то в Бориславе строилось это училище. Ремесленного училища еще не было, его строили как показательное на весь Советский

Союз. Конечно, я гордился тем, что буду работать в этом училище, приносить пользу, воспитывать детей. Пока учился в Высшей школе профсоюзов, меня назначали инспектором трудовых резервов Дрогобычской области.

Начало войны

Карта Пути пройденного во время Отечественной войны
С.В. Пащенко Из семейного архива С.В. Пащенко

И вот 21-го июня в субботу, было прекрасное летнее утро, мы поехали отдыхать. А на рассвете 22 июня начали бомбить. Началась война, но мы не знали что это война, хотя Дрогобыч всего лишь в нескольких километрах от границы. Утром по радио мы услышали, что началась война. В 11 часов выступил Вячеслав Михайлович Молотов и сказал о том, что немцы без объявления войны напали на Советский Союз.

В 4 часа дня нас уже всех комсомольцев-добровольцев собрали в Доме Правительстве, там были представители обкома партии и облисполкома. Был сформирован отряд по охране зданий обкома партии, облисполкома, государственных учреждений, почты, телеграфа, мостов. Все было взято под контроль. Мы были молодые, нам всего по 20-22 года.

25 июня меня перевели в отряд ополчения по борьбе с немецкими десантниками парашютистами. 26 июня я первый раз участвовал в этих боях и, должен сказать, было страшно. Немцы были хорошо обученные. Они пытались уничтожить нефтепровод. Два дня мы вели борьбу с ними. Всех уничтожили, а одного раненого взяли в плен. Это была первая победа. У нас появилась уверенность, что мы можем победить.

30 июня немцы подошли к городу, и мы в час ночи вынуждены были эвакуироваться из Дрогобыча с последним эшеленом. Путь был долгим, мы ехали 8 суток, потому что дорога была забита транспортом. На Львов нас не

пустили, так как его уже 3 июля захватили немцы. Наш эшелон шел в направлении на Кировоград. По дороге была большая бомбежка, немцы с воздуха уничтожали эшелоны. Если бы вы видели своими глазами, что там было, я не могу даже передать словами. Кто говорит, что на войне не страшно – не верьте! Картина жуткая – разбитые эшелоны с эвакуированными мирными жителями и военные эшелоны. Особенно две станции – Погребище и Проскуровы. Их я помню до сих пор. В этом эшелоне я доехал до станции Користовка, был здесь заместителем комиссара эшелона. Комиссар сказал, что я должен заехать в Полтаву, 9 июля приехал в город в горком комсомола. 10 июля получил задание, так как знал молодежь города, мне было поручено организовать отряд в 300 человек добровольцев. 12 июля все было выполнено, а два дня спустя нас направили в Киев. 15 июля мы были там. Нас поместили в гостинице. На второй день стали прибывать ребята из Харькова, с Донбасса. На стадионе были сформированы 3 добровольческих истребительных отряда. Первый и третий отряды состояли из двухсот человек, а мой отряд из ста. На стадионе 16 июля мы принимали присягу, целовали Красное знамя, стоя на коленях. Затем ночью нас несколько человек принимал второй секретарь ЦК Партии Бурмистенко. Лично меня он инструктировал о предстоящей работе. Это был человек лет сорока, а мне шел только двадцать первый год. Поэтому он давал наставления, как отец и старший товарищ. Он говорил, что будет тяжелое время, может быть очень плохо, мы можем погибнуть, поэтому надо готовиться ко всему. 17 июля утром рано в подвале Дома Правительства нас 100 человек вооружали карабинами, десяти зарядными гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Когда мы уходили из здания правительства, Никита Сергеевич Хрущев стоял на пятой ступени, провожая нас. По правде сказать, у меня было больше уважения к Бурмистенко. Мы сели в машины и уехали на запад. Нам было задание находиться в синих лесах Вагшаньского района, недалеко от Умани. Мы должны были опередить немцев. Когда мы прибыли на место, я был назначен командиром оперативной группы и секретарем комсомольской организации отряда. Меня вызвал комиссар Терещенко и сказал: "Ты будешь моим помощником заместителем". Нас было четыре коммуниста: командир Дзюба, комиссар Терещенко, начальник штаба и я – командир оперативной группы. Вот нас 4 человека. В партию я вступал в 1939 году – кандидатом, в 1940 году – в члены. Мы прибыли на место расположения, в Бабаньках ночью, а утром выехали в лес, там оккупировались, все изучали, копали траншеи, подпиливали деревья. 26 июля мы вынуждены были пойти на помощь Красной Армии. С этого дня по 2 августа участвовали в тяжелых боях, дождь, грязь, очень тяжело было. Несколько человек из отряда были ранены, 3 августа мы вывели целую

воинскую часть из окружения и вернулись в свое расположение, так как у нас было свое задание.

С.В. Пащенко
*Из семейного архива
С.В. Пащенко*

4 августа я еще два бойца пошли в разведку. Все документы сдали комиссару. Днем наткнулись на четырех немцев, которые отдыхали, дышали свежим воздухом, раздетые на траве, как у себя дома. Терпеть мы это не смогли. Двоих уничтожили, а двое успели удрать на машине. Забрали их оружие, документы, а по возвращении в отряд у деревни Терновка Кировоградская область, возле реки Синюха, мы встретились с командующим 12-ой армией генералом Понедельным. Он спросил кто мы, у нас было наше оружие и два трофейных немецких автомата. Мы доложили, как положено, он сказал: "Ребята передайте командиру. Это не приказ, а просьба: "Весь отряд привести к реке, чтобы помочь перевести раненых через реку Синюху". Мы торопились выполнить просьбу генерала, поэтому мы не шли в отряд, а бежали всю дорогу. Доложили начальнику штаба. Он принял решение, что пойдет три взвода 75 человек. Когда мы пришли к месту переправы, то в Терновке шли рукопашные бои. Там в рукопашной я получил штыковое первое ранение от румына. В этих боях было очень много раненых и убитых. Так вот, река Синюха была красная от крови. Потом начали переправляться через реку. Только к вечеру когда, освободили деревню, я почувствовал, что ранен. Присел на траву, снял сапог, он был полон крови. Меня перевязали. Я спросил командира Дзюбу: "Будем возвращаться?". Он ответил "Нет, будем идти дальше". До 13 августа включительно мы участвовали в тяжелых кровопролитных боях. Бомбили нас беспощадно. Наши танки стояли, так как уже не было ни горючего, ни боеприпасов. Не было артиллерии. Красноармейцы дрались только ручным и личным оружием. В день отбивали по три атаки. Красноармейцы дрались отважно. У нас такой сноровки не было, потому что мы были гражданские, не обученные. (Взять хотя бы Шешенина. Два с половиной года был в армии в "133-й сибирской", где был обучен, как правильно себя вести в военных действиях.) 14 августа пошли танки, мы отбивались бутылками с зажигательной смесью. Во время бомбежки мы находились во ржи, я был тяжело контужен и на второй день, когда жители подбирали и хоронили убитых, меня, нашли и привезли в деревню под Тышковкой, районный центр.

Меня вешали и расстреливали...

Меня к себе взяли двое стариков – дедушка и бабушка и я находился у них. Потом нашлись люди – предатели, они есть и будут, которые выдали

меня. Пришли местные полицаи. Старики говорили, что я их внук, а полицаи утверждал: "Нет у них никаких внуков!" Меня спас маленький рост и гражданская одежда. Когда меня тащили полицаи старики пытались за меня заступиться. Тогда полицаи убил на моих глазах дедушку. Меня взяли и отправили в лагерь военнопленных. Потом пытали, подвешивали вниз головой и били плеткой.

Отвели в лагерь, там было много пленных красноармейцев, комиссаров политработников и гражданских. Больше половина из них раненые. Пока вели, травили овчаркой. Собака кусала, немцы хохотали. Немцы очень издевались над пленными. Больше всех издевался начальник лагеря. Я как-то не выдержал и бросил камень в фашиста. Жестко пороли каждого десятого, в том числе и меня. Там мне пришлось побыть несколько суток. Затем нас строем, а для тех, кто не мог идти посадили на подводки. Повозки везли сами пленные, лошадей не было. Колонна шла огромная. Весь день шли, а к вечеру остановились у реки в колхозном дворе. Воды не давали, хотя она была рядом. Кто пытался подойти с вышки расстреливал пулеметчик. Кто в реку прыгал того убивали. Шли второй день, утром вышли на Белую Церковь. Там немцы создали центральный лагерь. Здесь я встретился с Иваном Шевченко. Мы решили бежать. Когда повели мимо полей, где убирали хлеб, это нас спасло. Мы вышли из строя, взяли снопы и идем. Тогда в конвое были не немцы, а румыны и венгры. Немец на лошади ехал, увидел, что мы снопы несем, сказал: "Арбайтен, арбайтен, гуд гуд гуд". Похвалил нас. Когда прошла колонна, я упал в стог, у меня открылась рана. Женщины, что работали в поле, осмотрели рану. На второй день принесли лекарства. Меня лечили, перевязывали, поскольку госпиталя не было. Люди лечили. Три ночи я был в плену вместе с красноармейцами передать очень трудно. Стойкие ребята, даже драку с немцами затеяли, знают что убьют. Когда колонна проходит, по обе стороны лежат трупы. Упал – его добивают.

Затем отобрали нас восемь человек, и повели на расстрел. Пока вели, договорились, что перед выстрелом прокричим: "Да здравствует Сталин!" Подвели к огромному рву, поставили на краю. Во рву лежало очень много расстрелянных. Командовал расстрелом немецкий офицер. Расстреливали нас румынские солдаты. Их было восемь, как и нас. Стояли шеренгой метрах в десяти. Напротив меня стоял пожилой солдат румын и затравленно смотрел мне прямо в глаза. Я ведь маленького роста, да весь еще раненый и избитый. Выглядел пацаном. Как сейчас вижу струйки пота, стекающие по лицу солдата и его трясущиеся руки. Рядом со мной стоял высокий русский парень-комиссар. На руке у него была эмблема. Он был весь в крови, обе руки перебиты. Он приободрил меня и сказал встать ближе к нему. Я встал рядом, прислонился головой его плечу. Он был выше меня на полметра и сказал, как его зовут. Я назвал себя. Когда немец дал команду стрелять, мы

все дружно прокричали: "Да здравствует Сталин!" Последнее, что видел пляшущее отверстие ствола напротив себя. Выстрелов не слышал, почувствовал только ожог пули, пролетевший рядом с лицом и толчок комиссара от которого упал в ров.

Очнулся, уже темно, на мне лежит убитый комиссар. Я весь залит его кровью. Кое-как выбрался из глубокого рва. Обрушенный пережитым несколько суток, брел сам не свой, добрался до своих. До сих пор ночами просыпаюсь. Все пытаюсь вспомнить имя своего спасителя. Забыл. Поэтому чувствую себя виноватым. Запомните этот рассказ!

Не верьте лжи о Сталине. Люди, славя его, славили великие дела страны. С его именем поднимались в атаку. Умирали с его именем на устах.

Весь сорок первый и сорок второй я был в разведке. Встречался с разведчиками Красной Армии, передавал сведения, просил взять с собой, но не брали. В сорок втором выводил освобожденного партизанами из окружения секретаря ЦК партии Бурмистенко.

В сорок третьем встретился с разведчиками за селом Богуслав в лесу и отдал самые ценные сведения (наличие танков, огневые точки). Ребята разведчики меня очень благодарили. Просился взять с собой, что хорошо знаю всю территорию. Ответили нет. "Мы сказали вы и выполняйте". Я дал самые ценные разведочные материалы – в сторону Харькова: танки, артиллерия, точки и все, все. Разведчики меня тепло одели. Дело было зимой в январе 1942 года, а в 1943 году второй раз встретился с разведчиками и с ними дошел в район под Котельвой, Полтавская область, потом Большая Писаревка. Мне тут повезло. В Большой Писаревке я встретился с секретарем Октябрьского райкома партии Бойко и работником обкома партии, работавшем особом отделе. Меня отправили в разведотдел армии к разведчикам. Вначале я служил в пешей разведке, а затем в танковой.

Однажды во время разведки оказался рядом с тем местом, где я родился. Попросил командира разрешения подойти к своему дому. Жили мы на Красногвардейской улице, но там никого и ничего уже не было. В мой родной дом попала бомба. Все сгорело. Осталась лишь половина вишневого сада, и только печная труба на пепелище. Вышел сосед дедушка и сказал мне: "В доме была твоя мама Анна, невестка, жена среднего сына и двое внучат". То, что я увидел, потрясло меня до глубины души. Ибо, когда подошли разведчики и стали со мной разговаривать, то я ничего не сообщал. Меня посадили на танк, и, не доезжая 18 километров до города, когда мы переезжали ночью реку, то нарвались на засаду. Во время бомбежки меня сбросило с танка. Ребята уехали, а я остался лежать. Меня подобрала санитары другой воинской части, Документов нет, одет был в гражданскую одежду, так как, уходя в разведку, документы сдавали. Меня направили на сортировочный пункт. Кто куда годен. Я оказался никуда не

годен. Контузия была тяжелая, я не разговаривал, не слышал. Я человек потерявший все. Меня определили в трудовую роту и направили в город Подольск на завод № 460. Нас там было таких раненных человек 60. Там я работал около года. Постепенно память возвращалась. Так я снова стал Сергеем Васильевичем Пашенко. Обо мне, беспокоился начальник цеха Ильин депутат Верховного Совета. Однажды, когда мы разряжали пушки, он спросил "тяжелые?". Я ответил: "А вы как думаете". На второй день меня перевели на формовку. Я хорошо работал, стахановцем. Будучи инвалидом второй группы, все время просился на фронт. Писал Ворошилову. 3 августа 1943-го пришел ответ на письмо: "Просьба удовлетворена, идите в военкомат". Я бегом в Подольский военкомат. "Мы просмотрели ваши документы. Вечером приходите для отправки", сказали на комиссии. На заводе быстро рассчитали, характеристику, дали справку с завода, почему уволен, документально. Направили в город Муром. Там была большая медицинская комиссия, которая меня забраковала. Я обратился к комиссару и сказал: "Если не отправите сам уеду". Меня в 202-й запасной полк под город Кулибяки Горьковской области. Старшина, там раненный перераненный, он мне говорит: "Сергей, сиди здесь, ты такой же, как я". Я сказал: "Не могу сидеть, мне надо мстить, мстить за маму". Маму мою жандармерия порола на площади из-за того, что ее дети в Красной Армии воюют. А в 1942 году она погибла, старший брат Артем погиб в 1943 году при форсировании Днепра, сестра Лида, военный корреспондент погибла в Керчи. Ее муж сгорел в танке. Мой брат Василий пропал без вести.

По приказу командования нас целый батальон направили в Прибалтику, нигде не останавливались. Приехали в Литву, по Мариуполь. Не успели выгрузиться и сразу пошли на передовую, в траншеи. Несколько человек бежавшие передо мной были убиты сразу шальными пулями.

И оказался я тогда в 5-й гвардейской дивизии, бывшая 107-я дивизия Сибирская, 12-й полк. Утром мы пошли в наступление. Немцы отступили, оставили только заслон пулеметчиков. Когда мы вышли они открыли огонь, очень много нас положили. Командир приказал мне и еще одному бойцу уничтожить один пулемет, а другому бойцу второй. Мы зашли сзади, началась рукопашная. Я немца душил, сколько сил было у меня. Когда пулемет перестал стрелять, наши прибежали к траншее. Командир не мог мои руки расцепить, а когда разорвал, то пулеметчик упал. Вот такая бывает сила, ненависть зло, за то, что он, сколько положил наших ребят... Это было утром 15 или 16 октября. Вечером нас вызвали 23 человека в штаб. И в 12 часов поступил приказ идти в разведку. Через несколько километров и пошли на проселочную дорогу. Лейтенант у нас был молодой, всего несколько дней в полку. Я говорю ему: "Товарищ лейтенант, пора идти цепью-россыпью". Он отвечает: "Рано". Я помню эту фразу всю жизнь. Прошли еще немножко,

присели мы, накрылись палаткой, посмотрели карту, я снова говорю: "Пошли цепью". Он снова говорит: "Рано". А буквально через минуту немцы открыли пулеметный огонь и всех нас положили. Вот вам и рано. Бой длился не более 15 минут. Строчили два пулемета. Было два часа ночи. Командир говорит мне: "Бросай гранату". Я бросил одну, вторую... Уничтожило одного пулеметчика, а второго не успел, и он ранил меня.

Справка о ранении рядового
С.В. Пашенко 17.10.1944 г.
в правое плечо
Из семейного архива С.В. Пашенко

Я не почувствовал боли. Просто стукнуло и все. Рука моя повисла. Командир сказал: "Бери во вторую руку, потому что чека разорвется! Не лимонка, а ручная у меня была. Командиру ягодицу оторвало, самая тяжелая рана, а мне пуля попала в правую руку. Четверо нас было ранено, один здоровый, 18 осталось лежать там. С первой Московской дивизи-

зией такая же группа бойцов шла в разведку. Они вернулись, завели с немцами бой, подобрали и помогли нам, и мы четверо человек, на палатке понесли лейтенанта в свое расположение. То, что нам не прислали помощь, очень обидно. С этим ранением я попал в госпитале Мариуполя.

58-й гвардейский полк

Одна из страниц военного билета С.В. Пашенко
Из семейного архива
С.В. Пашенко

После лечения в составе 75-и бойцов, как на пополнение дивизии попал в сибирскую 18-ю гвардейскую стрелковую дивизию. По дороге в дивизию нам встретился командир 58-го полка Белов. Красивый, высокий, подтянутый офицер. Он подошел к нам и спросил: "Ребята, вы откуда?" Мы хором ответили: "Из госпиталя". "Вот такие мне нужны" – сказал Белов. Так мне довелось во второй раз воевать вместе с сибиряками. Красноармейцы очень уважали командира. Он

пользовался авторитетом. Нас покормили, вооружили, и направили в 58-й гвардейский полк. Помнится, когда мы наступали под Инстербургом в январе 1945 года, слышим крик "Белов, ранен! Белов ранен!" Около нас проезжали связисты на телеге, везли катушки и свое хозяйство. Когда мы все услышали этот крик, они сбросили все с телеги и помчались в штаб, что его взять командира Белова и отвести в медсанбат. Снаряд попал прямо в штаб, он был

тяжело ранен и вскорости умер... И к нам в 58-й полк был назначен командиром полка Кривич.

В одной из операции выполняя задание шли по лесу. Когда он закончился, мы вышли к какому-то особняку. Немцы здорово обстреляли нас с окон, положив много ребят. Захватив здание, мы увидели, что пулеметчиком оказалась девушка, одетая в матросскую униформу. Когда мы подошел к Инстербургу (ныне Черняховск), то наши заняли край города, а потом отступили и мы заняли их место. В то время я был наводчиком, первый, а ПТР Детягрева весил 16 килограмм. По состоянию здоровья я не мог его носить, поэтому вторым номером мне дали здорового парня. Он нес оружие, а я боеприпасы. Наши отделения бросила на правую сторону дороги. Мы отбили три атаки. Я побил самоходку. Командиром полка у нас был В.Г. Кривич. Между прочим, ребята в полку называли его "Наш Суворов", очень умный человек был. Столько наград было у него на груди, столько никто в дивизии не имел. Потом, в мирное время, он стал Героем социалистического труда.

Я пошел докладывать командиру, он стоял под электрической будкой возле города. Там были разведчики, и штабисты. Я доложил: "Три атаки отбили, одна самоходка подбита, двое ранены". Он говорит штабисту: "Что у нас есть? Пиши приказ!" и вручил мне медаль "За отвагу".

Статья из газеты "Защита родины" пятница 29 декабря 1944 год номер 177 стр.1 гвардии старшего сержанта А. Аничева "О герое нашей части "Снайпер Пашченко".

Из музея боевой славы школы МБОУ СОШ № 18 г. Новосибирска Дзержинского района

Кенигсберг

Справка о ранение гвардии
сержанта С.В. Пащенко
21.01.1945 г.

*Из семейного архива
С.В. Пащенко*

В последующих боях я был ранен, и меня отправили в госпиталь. А перед штурмом Кенигсберга всех выписывали и меня в том числе, хотя рана была еще открытая. Но на комиссии я подставил правую руку, а не левую. Они меня выписали и наругали: "Почему так долго держали, а это ранение было 1944 года. Когда мы прибыли в город Алленштейн под Кенигсбергом была комиссия и меня забраквала, ибо рана открытая. Вечером

или ночь выстроили всех выздоравливающих и объявила: "Предместье Кенигсберга взято. Очень много трофеев. Их надо охранять, кто согласен шаг вперед". Мы все вышли. Нас быстро вооружили и все на машине под Кенигсберг. Приехали утром рано. Всех выгрузили с машин. Нас встретил старший лейтенант, очень уставший. Погода была пасмурная. Старший лейтенант спросил: "Ребята вы откуда?" "Мы выздоравливающий батальон! Товарищ старший лейтенант, а где трофеи?" Он отвечает: "Какие трофеи?" "Вы сказали, что трофеи надо охранять". "Нет, ребята, их надо взять, а потом охранять". Это было числа, наверное, седьмого или восьмого апреля, а девятого начался штурм. Десятого утром перешли реку, так как мост был разрушен. С боем взяли один дом пяти-этажный дом, затем второй, мы выводили из подвала с третьего дома переодетых мужиков, стариков. Мы их не трогали.

Отвоевывая дом за домом

В это время старший лейтенант видит, что у меня идет кровь с руки. Он говорит: "Ты, что ранен?". Я говорю: "Да нет" и немедленно отправил меня в выздоравливающий батальон через реку.

В Кенигсберге я был десятого числа. 90 тысяч немцев были в крепости, 1 200 наших было убито. Так я попрощался с городом Кенигсбергом.

Фотогалерея штурма Кенигсберга

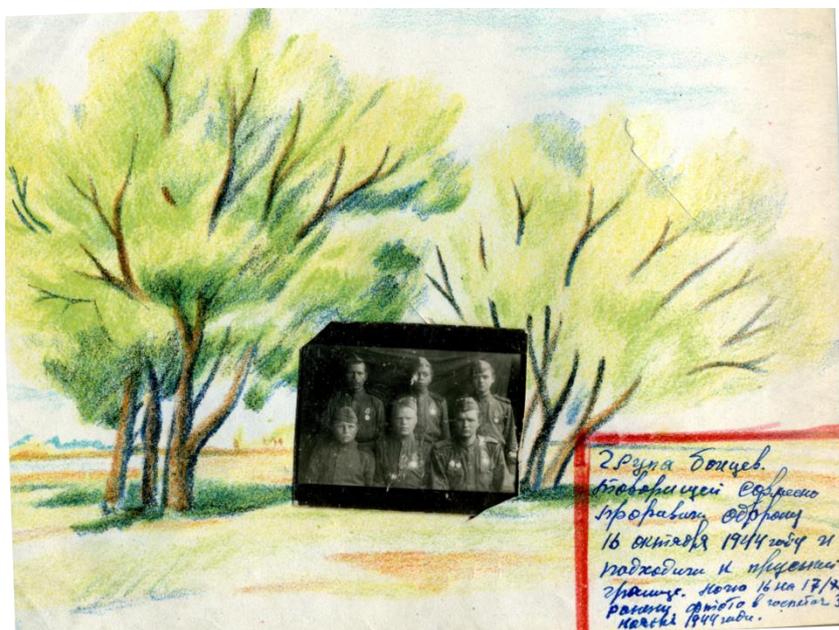
Штурм Кенигсберга

Штурм Кенигсберга

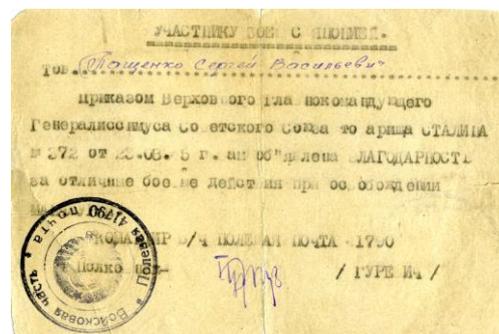

Группа участников штурма Кенигсберга после армейского парада Победы. Первый ряд (слева направо): П.К. Кошевой, К.Н. Галицкий, Г.И. Карижский, А.А. Исаков; второй ряд (второй слева) И.К. Щербина. Май 1945 г.

В выздоравливающий потребовались люди, которые имели дело с парашютом. Меня вызвали в особый отдел и спросили: "Ты знаком с парашютом?" Я ответил: "Да, учился в авиаклубе планеристов". Мне дали 20 человек и отправили в Инстербург. Но какое будет задание, я не знал. Тот эшелон, который прибыл с парашютами, нужно было отбить у врага, а потом проверить каждый парашют. Для этого мне дали сто немцев, с которыми проверял каждый эшелон.

2 мая 1945-го меня вызвали в особый отдел и сказали, чтобы в 11 часов надо будет ехать выполнять новое задание. Прибыл посыльный с распоряжением, оставаться на месте, после чего уехал. Через пару часов капитан, который со мной разговаривал, был ранен, начальник – майор и боец убиты. На какое задание они выехали без меня, не знаю, поэтому и жив. 3 мая мы похоронили майора, их... После выполнения задания с парашютами нас направили в Кенигсберг. Там получил предписание в воинскую часть 35-ой Краснознаменной гвардейской Севастопольской мы 22 июня 1945 срочно погрузились и отправились на восток. Но мы не знали, что едем на новую войну с японскими самураями. Туда отбирали обстрелянных воинов, прошедших горнило Великой Отечественной войны. Но это совсем другая страница моей военной биографии.

Благодарность за участие в военных действиях с Японией С.В. Пащенко
Из семейного архива С.В. Пащенко

Расшифровку записи и обработку текста произвели
В.В. Кулагин и Л.С. Пащенко